

УДК 811.161.1'373'0 (043.3)

**ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В РАЗВИТИИ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В XIX ВЕКЕ**

канд. филол. наук, доц. Т.В. НИКИТЕНКО
(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)
tatnikita@gmail.com

Ретроспективно анализируются лексемы русского языка, которые в XIX веке подверглись семантическим изменениям под воздействием внутри- и внеязыковых факторов, вследствие чего в их семантике закрепились негативно-оценочные семы. Рассматриваются основные семантические переходы, в результате которых в XIX веке у слов фиксируются новые негативные значения, как общеоценочного, так и частнооценочного характера. Выделяются определенные тематические группы, члены которых чаще подвержены процессам пейорации (предметно-бытовая лексика, зоонимы и т.д.). Отмечается, что в семантических процессах, результатом которых становилось ухудшение значения первоначально нейтрально- или положительно-оценочного слова, участвовали разнородные лексемы с точки зрения их происхождения (церковнославянизмы, диалектизмы, разговорные слова, заимствования и т.д.). Установлено, что в XIX веке многие оценочные единицы оформились в результате семантического переноса от слов, достаточно долгое время функционировавших в языке и известных с древнерусского периода.

Ключевые слова: *негативно-оценочная лексема, семантические изменения, ухудшение значения слова (пейорация), русский национальный литературный язык.*

Введение. Вслед за существующей в исторической лексикологии традицией, границы столетий определяются не календарно, а на основании внешних (социально-исторических) и внутренних (собственно языковых) факторов, которые в хронологическом плане не совпадают с общепринятыми временными отрезками. В данной работе «XIX век» охватывает период начиная со сложения современной литературной нормы – первые десятилетия XIX в. (20–30-е гг.) до Октябрьской революции 1917 г. Основные языковые процессы, происходившие в это время, можно свести к следующим: 1) к 30–40 гг. XIX в. основное ядро национального русского языка сложилось; аристократическая культура литературного языка утратила свой престиж, и образуются новые, более демократические нормы литературного языка [1, с. 56]; 2) в первой половине XIX в. (30–40 гг.) оформляется публицистический стиль речи на основе синтеза языка художественной прозы с языком философии и науки [1, с. 57]; 3) в 1870–1890-е гг., в результате насыщенной общественно-политической жизни, выходит значительная по объему полемическая литература, вводившая в обиход большое количество новых слов и значений [2, с. 10]; усиливается влияние научной и газетно-публицистической прозы [1, с. 58]; 4) начало XX в. – расцвет русского языка; художественная литература перестала быть образцом литературной нормы [2, с. 14].

Цель данного исследования – выявить основные семантические процессы, в результате которых развивались новые пейоративные значения слов русского литературного языка в XIX в.

Материалом для исследования стала картотека негативно-оценочных слов, извлеченная путем сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» (далее БТС¹) и из Словаря под редакцией А.П. Евгеньевой (далее МАС²). Изучаемые слова представлены всеми знаменательными частями речи; тематически лексика является разнородной. Настоящее исследование относится к предметной области исторической лексикологии и носит диахронический ретроспективный характер. Это означает, что все анализируемые единицы являются оценочными с точки зрения современного носителя русского литературного языка, а развитие данных значений происходило в XIX в.

Основная часть. Данные проведенного исследования показывают, что в процессах семантических изменений в XIX в. участвовали слова разного происхождения:

(1) заимствования, пр.: *гаер* (< фр. *gaillard* ‘весельчак’) ‘актер в народных играх; шут’ → ‘тот, кто паясничает, кривляется, балагурит на потеху другим’; *макулатура* (< нем. *Makulatur*, фр. *maculature*) ‘испорченная при типографском печатании, грязная, исписанная бумага’ → ‘о бездарном, не имеющем никакой ценности произведении литературы’;

¹ БТС – Новейший большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт ; М. : РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.

² МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: А.П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.

(2) собственно русские слова (включая словообразовательные дериваты), пр.: *прорва* 'новое русло, промытое рекой; рукав реки' → 'об очень прожорливом, ненасытном человеке'; *путаться* 'беспорядочно перевиваться' → 'иметь отношения, общаться с подозрительным человеком (людьми)';

(3) слова, генетически связанные с разговорной речью (простые, простонародные, просторечные), пр.: *брандахлыст* 'жидкое пиво или разведенное водой хлебное вино' → 'слишком жидкое, плохое питье, пища'; 'пустой человек, гуляка';

(4) слова диалектного происхождения, пр.: *пустобрех* 'о собаке, лающей попусту' [3, с. 587] → 'враль, болтун';

(5) церковнославянизмы, пр.: *пресловутый* 'славящийся, прославленный' → 'вызвавший много толков, получивший отрицательную или сомнительную известность'.

Фиксируются разнообразные предикаты, как частнооценочного, пр. *дохлый* 'издохший (о животных)' → 'хилый, тщедушный (о человеке)', так и общеоценочного характера, пр. *зараза* 'заразная болезнь (чума, оспа); эпидемия' → 'о ком-, чем-л., вызвавшем неудовольствие'; *плевок* 'выплюнутый сгусток слюны' → оскорбление. Ср.: *Его слова – плевок мне в сердце* (БТС, с. 840). Особенно выделяется группа номинаций человека с ярко выраженной экспрессивной оценкой, пр.: *плесень* 'плесень' → 'о человеке ничтожном, презираемом; о группе таких людей'; *слякоть* 'жидкая грязь (от дождя или мокрого снега)' → 'о ничтожном, презренном человеке, людях' и т.д.

В описываемый период появляются и фиксируются новые оценочные значения у лексических единиц вследствие наличия устойчивых коннотаций, яркой образности, приписываемых их референтам в основном значении. В большинстве отмеченных случаев переносные значения появляются в результате метафорического переноса. Пр.: *бревно* 'бревно' → 'о тупом, глупом или нечутком человеке'; *колода* 'толстый, лежачий ствол дерева, тяжелый обрубок дерева' → 'о толстом, неповоротливом человеке' и др. Как ранее отмечалось, в XIX в. «...происходит развитие качественно-оценочных метафорических и образных осмыслений, неизвестных или малоизвестных предшествующей литературе. В этот процесс втягиваются слова, обозначающие бытовые реалии, предметы обихода» [4, с. 107]. Наши данные полностью соотносятся с этим тезисом. Например, метафорическому переосмыслению подвергаются слова тематической группы «Еда», пр.: *кисель* 'кисель' → 'о вялом, слабовольном человеке'; *кочырьжка* 'капустный ствол без листьев' → 'о старике или старухе'; «Строение», пр.: *конюшня* 'конюшня' → 'об очень грязном помещении'; «Растения», пр.: *перекати-поле* 'степное и пустынное травянистое или полукустарниковое растение, при созревании отрывающееся от корня и перекатываемое ветром' → 'о человеке, склонном к частой смене местожительства, работы' и т.д.

Среди зарегистрированной оценочной лексики, появившейся вследствие семантических переносов, доминируют в количественном отношении существительные; глаголы не столь многочисленны. Однако тенденции образного переосмысления подвергаются и они. В первую очередь переносные значения развиваются у глаголов, называющих действия, связанные с обиходно-бытовыми сферами. Ср.: *нянчиться* 'то же, что нянчить' → 'уделять кому-, чему-л. много времени, внимания; возиться'; *пачкаться* 'мараться, грязниться' → 'заниматься каким-л. неприятным или неблагоприятным делом, принимать в нем участие'; *пилить* 'разрезать пилой' → 'неумело играть на смычковом музыкальном инструменте'; *подпевать* 'петь под музыку или под голос других поющих' → 'поддерживать кого-л., обычно из желания угодить, выслужиться' и т.д.

Одной из особенностей рассматриваемого периода стало широкое использование имен собственных, символизировавших определенные черты человека. Так, стали активно встречаться в переносном значении такие имена, как *Ирод* 'мучитель, изверг', *Искарриот* 'о человеке, который ради денег способен на предательство, злодеяние', *бурбон* 'первоначально об офицере, выслужившемся из солдат; грубый и невежественный (обычно заносчивый) человек' и др. Результатом возросшего влияния английской культуры в первой половине XIX в. [4, с. 37] явились единицы, подобно *Фальстаф* 'имя комического персонажа шекспировских пьес' в значении 'о хвастливом, пустом человеке' и т.д. В XVIII в. процесс семантизации имен собственных еще слабо распространялся на имена русских исторических деятелей и литературных персонажей [4, с. 115]. В XIX в. русская художественная литература порождает имена «отрицательных» героев, которые впоследствии начинают употребляться аллюзивно, пр. *Плюшкин* – фамилия героя произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842) 'о чрезмерно скупом, жадном человеке' *Хлестаков* – имя героя комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836) 'о легкомысленном, пустом человеке, отличающимся безудержным хвастовством и враньем'; *Держиморда* – имя персонажа комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836) 'о грубом и деспотичном администраторе, использующем полицейские методы'. Ср.: *В речи Дюма каждая фраза была гасконада, каждая мысль – нелепая претензия и каждое слово – уморительное самохвальство. Это – Хлестаков в самом крайнем, колоссальном своем развитии...* (П.В. Анненков. Парижские письма (1846–1847)). Следует отметить, что в словообразовании в качестве производящей базы также активно выступали имена собственные литературных персонажей, соединенные с формантом *-щина*,

-овщина. Такие номинации, безусловно, характеризовались наличием оценочного компонента. Ср.: *базаровщина* < *Базаров* [по имени героя романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева (1862)] 'о проявлениях крайнего практицизма, грубого материализма, *маниловщина* < *Манилов* [по имени героя романа Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842)] 'мечтательно-бездеятельное отношение к окружающему, <...>' и т.д.

В рассматриваемый период фиксируются многочисленные пейоративные производные значения в семантической структуре зоонимов, известных еще древнерусскому языку. Пр.: *козел* 'козел' (1074)³ → 'о человеке, вызывающем раздражение своей упорствующей глупостью'; *выдра* 'выдра' (1389) → 'об очень худой (обычно непривлекательной) женщине'; *гнида* 'гнида' (1534) → 'о ничтожном, подлом человеке'. У некоторых лексем с формантом *-оныш*, *-еныш*, обозначающих детенышей животных, названных мотивирующим словом, в XIX в. отмечено появление в семантической структуре экспрессивных общеоценочных лексико-семантических вариантов, пр. *гаденыш* 'о молодом человеке, подростке, ребенке, совершившем отвратительный, мерзкий поступок' *змееныш* 'о хитром, злобном ребенке, молодом человеке'. Любопытно также и то, что в семантике глаголов, которые соотносятся в основном значении с типичным поведением или со звуками, издаваемыми определенными животными, закрепились новые оценочные значения. Ср.: *каркать* 'каркать' → 'предсказывать неудачу, беду' *лакать* 'лакать' → 'пить в большом количестве; пьянствовать'.

Общественно-политическая литература и публицистика, по словам Л.М. Грановской, представляли «основные, опорные жанры литературного языка, сдвигающего эмоционально-экспрессивный, а с ним смысловой статус слова» [2, с. 43]. Известно, что с середины XIX в. начинает быстро расширять сферу своего употребления суффикс *-щина*, *-овщина*, который в 60–90 гг. XIX в. достигает высокой степени продуктивности и получает большую экспрессивную силу [5, с. 224]. Новообразования с данным формантом – существительные отвлеченного значения – по своему характеру восходят к народно-разговорной речи [5, с. 224]. Ср.: *военщина* 'агрессивные военные круги'; *канцелярщина* 'канцелярская работа'; *литературищина* 'отсутствие литературного вкуса'; *разнокалиберщина* 'неоднородность чего-л. по составу'; *чужеземщина* 'о чужом, иностранном (о культуре, обычаях, моде и т.п.)'. Так, в XIX в. зафиксированы изменения в сторону ухудшения оценки в семантике отвлеченных существительных на *-щина*, которые в негативном значении активно встречались в общественно-политической литературе, частной переписке и т.д. Пр.: *казенщина* (*собир.*) 'все казенное, казне принадлежащее' → 'бездушный формализм, рутина'; *поденщина* 'работа, за которую каждый день выдается известная плата' → 'тяжелый без любви к делу труд ради средств к существованию'; *поповщина* 'одно из направлений в старообрядстве' → 'религиозные предрассудки' и т.д. Ср.: (1) *Он решительный противник клерикализма и клеймит «чудовищный альянс либерализма и поповщины»* (С.М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей (1886)); (2) *Впрочем, с неохотой принимаешь за дело, я с любовью веду его. Только в чтении, только в сочинении оживаю... <...> ... и потом, когда вздуваю, что эта игра или страдание души все-таки **поденщина** для улучшения своего быта, кисну, холодею, тяну, вяжу узлы как-нибудь* (А.А. Бестужев-Марлинский. Письма (1830–1837)).

Изменилось значение некоторых наименований лиц, обозначавших социальный статус приехавшего в Россию иностранца, результатом которого стало ухудшение семантики первоначально положительно- или нейтрально-оценочных слов. Ср.: *мамзель* 'то же, что мадемуазель; девица, барышня (обычно о француженке)' → 'женщина, принадлежащая к театральной богеме или женщина легкого поведения'; *бюргер* 'горожанин, мещанин (преимущ. об иностранцах)' → 'обыватель, мещанин'. Прилагательное *бюргерский* также начинает функционировать в негативно-оценочном значении в текстах XIX в.: <...> *раболепство перед пошлым бюргерским и плоским стилем современной западной жизни* (К.Н. Леонтьев. Храм и Церковь (1878)). Синонимичная (с точки зрения современного употребления) лексема *обыватель*, впервые отмеченная в XVII в. (1671) в нейтрально-оценочном значении 'местный житель, обитатель' (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 210⁴), во второй половине XIX в. также начинает функционировать в неодобрительном значении 'человек, лишенный общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами, живущий мелкими личными интересами'. Таким образом, со второй половины XIX в. *бюргер* и *обыватель* начинают употребляются синонимично.

Переосмыслению подвергались не только заимствованные наименования лиц. Как показывает языковой материал, лексемы, указывающие на социальное происхождение человека, а особенно низкое, такие как *лакей*, *плебей*, *холоп*, *челядь* и т.д., в XIX в. подвергались процессам пейорации и начинали функционировать в неодобрительном или уничижительном значениях, ср.: *Зато Павел Петрович всеми*

³ В круглых скобках указано время первой письменной фиксации зоонима в его основном значении по данным Словаря древнерусского языка XI–XVII вв.

⁴ СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 30 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Р.И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975–2015. – 30 вып.

силами души своей возненавидел Базарова: он считал его гордецом, нахалом, циником, **плебеем**; он подозревал, что Базаров не уважает его, что он едва ли не презирает его – его, Павла Кирсанова! (И.С. Тургенев. Отцы и дети (1862)).

Отдельные номинации, обозначающие высокий социальный статус человека, стали употребляться с оттенком иронии по отношению к людям, не принадлежащим к дворянскому сословию, как например, *барыня*, ср.: – *Чевой ты? – Ну! – Уууу! Экая ты коровушка, матушка... барыня, помелом обмазанная... Дедушка начинает чистить картофель, а жена его моет посуду или приготовляет мясо к щам* (Ф.М. Решетников. Между людьми (1864)).

Некоторые наименования профессий также оказались подвержены изменению семантики с положительно-оценочной, как, например, в слове *певичка* ‘уменьш. к певица: искусная в пении’, на уничижительную ‘певица, исполнительница легкомысленных, пошлых песенок, куплетов’ или нейтрально-оценочных, как в слове *сапожник* ‘сапожник’ на пренебрежительную ‘о неумелом, неискусном в каком-л. деле человеке’.

У многих собирательных существительных отмечены переносные оценочные значения, с помощью которых характеризовали(-ют) группы людей, чаще всего преступного характера или аморального поведения, пр.: *воронье собир* ‘вороны, грачи, галки’ → ‘о жадных, корыстолюбивых людях, стремящихся поживиться за чужой счет’; *дубье собир.* ‘дубинки для драки’ → ‘о бестолковых, тупых или упрямых людях’; *отребье* ‘мусор, отребье’ → ‘деклассированные, преступные элементы общества’; *подонки* ‘остатки жидкости на дне вместе с осадком’ → ‘деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества’; *свора* ‘то, что скрепляет; петля, застежка, веревка’ → ‘люди, занимающиеся предосудительной деятельностью; банда’ и т.д.

Как отмечает Л.М. Грановская, в конце XIX в. в литературе оппозиционного направления эмоционально-окрашенными, переосмысленными становятся многие нейтральные книжные слова [2, с. 43]. История некоторых слов убедительно свидетельствует об изменении оценочной семантики в сторону ее ухудшения у близких синонимов или тематически связанных слов, прежде оценочно-нейтрального и книжного характера. Примером могут выступить лексемы *недоносок*, *выкидыш*. Согласно письменным источникам, слово *недоносок* впервые отмечено в XVII в. в единственном значении ‘недоносок’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 11, с. 89). Словарь 1847 г. определяет *недоносок* как ‘дитя, рожденное прежде времени’ (СЦСРЯ, II, с. 435⁵). Однако в первой половине XIX в. в критике В.Г. Белинского слово встречается в презрительном значении, ср.: *Очевидно, что идея Грибоедова была сбивчива и неясна самому ему, а потому и осуществилась каким-то недоноском. И потом: что за глубокий человек Чацкий? Это просто крикун, фразер, идеальный шут, на каждом шагу профанирующий все святое, о котором говорит* (В.Г. Белинский. Горе от ума. Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова (1839)). *Недоносок* в переносном экспрессивно-оценочном значении относился не только к человеку, но мог обозначать и неодушевленные предметы, пр.: *Еще вся книга не более как недоносок; но дух ее разнесся уже от нее незримо <...>* (Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843–1847)).

Лексемы *выкидыш* и *недоносок* в исходных значениях в XVIII в. являлись синонимами – ‘преждевременно родившийся ребенок’ (СлРЯ XVIII в., вып. 14, с. 91⁶), а в XIX в. у обоих зафиксированы переносные синонимичные экспрессивно-оценочные варианты, которые, как показывают примеры, также совместно употреблялись: *зачем <...> она [природа. – Т.Н.] производит столько безобразных, чудовищных порождений, не выдерживающих жизненной борьбы и бесследно погибающих? зачем все эти **выкидыши** и **недоноски** природы?* (В.С. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве (1878)).

Следует отметить, что у производного пейоративного значения лексемы *недоносок* также изменилась стилистическая окраска. Лексикографически впервые данный лексико-семантический вариант с пометой *разг.* фиксируется Словарем под ред. Д.Н. Ушакова (ТСРЯ, II, стлб. 499⁷), а затем БАС⁸ (БАС, VII, стлб. 829). Контексты же первой половины XIX в. свидетельствуют, что *недоносок* являлось грубым ругательством, ср.: *Теперь даже Филька, рябой драчун, будет относиться к нему как к равному и перестанет дразнить его не совсем понятной, но позорной кличкой – «недоносок»* (Г.М. Марков. Строговы. Кн. 1 (1936–1948)). МАС указанный лексико-семантический вариант вовсе не отмечает, возможно, относя его за границы литературного употребления (МАС, II, с. 437). В Словаре под ред. С.А. Кузнецова дан-

⁵ СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отд-нием Императ. Акад. Наук : в 4 т. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1847. – 4 т.

⁶ СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века : в 21 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Ю.С. Соколин (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2015. – 21 вып.

⁷ ТСРЯ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / редкол.: Д.Н. Ушаков (гл. ред.) [и др.]. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ, 1935–1940. – 4 т.

⁸ БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В.И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965. – 17 т.

ное значение отмечено как *груб.*, что характеризует его как стилистически сниженное с уничижительной окраской.

Как было отмечено выше, семантическим преобразованиям в XIX в. в генетическом отношении подвергались разные слова, в том числе диалектного происхождения. Известно, что в XIX в. происходил неуклонный процесс привлечения новых областных слов в литературное употребление [5, с. 482]. С 30–40-х гг. диалектизмы начинают сильнее проникать в литературную речь, а писатели 30–60-х гг. активно вводят областные слова в художественные произведения [1, с. 56]. В литературном употреблении некоторые из этих единиц приобретали дополнительные стилистические характеристики, что усиливало их оценочный потенциал, и впоследствии они начинали функционировать как сильные экспрессивно-оценочные средства, пр.: *расфуфыриться* ‘одеться слишком нарядно, крикливо или безвкусно’; *быдло* ‘об очень высоком и нескладном человеке; о человеке, не соответствующем в умственном отношении степени своего физического развития’. В этой связи интересна история предиката с презрительным оттенком *быдло*, которому в русском языке приписывают диалектное происхождение. Существительное *быдло*, по определению БАС, первоначально попадает в южные и западные русские диалекты из польского языка через украинский (БАС, I, стлб. 718). Можно, тем не менее, усомниться в диалектном происхождении этой лексемы, поскольку первые примеры с этим словом представляют ее в абсолютно литературных контекстах в связи с польскими реалиями, ср.: <...> в Польше же этот аристократизм обратил высшие сословия в ясновельможное панство и шляхетство, а низшие – в **быдло** (Н. Данилевский. Россия и Европа (1869)), что дает возможность предположить ее непосредственное заимствование в книжный язык из польского языка. Любопытны также стилистические модификации и лексикографическая подача этой лексемы: впервые она отмечена в БАС и рассматривается с пометой *устар.* как ‘презрительное название крестьян помещиками-крепостниками’ (БАС, I, стлб. 718). Однако уже МАС (МАС, I, с. 129), представляя ее как просторечную, определяет значение следующим образом: ‘о людях, которые бессловесно и покорно выполняют на кого-л. тяжелую работу’. Словарь под ред. С.А. Кузнецова переводит негативную оценку в духовную плоскость, ср.: ‘о людях, духовно неразвитых, тупых, покорно подчиняющихся чужой воле и проводящих жизнь в тяжелом, изнурительном труде на кого-л.’ и снабжает лексему пометкой *презрит.* (БТС, с. 107). Однако контексты второй половины XIX в. доказывают, что уже тогда *быдло* отличалось сильной экспрессивной окраской и использовалось в своем современном значении ‘о людях, духовно неразвитых, <...> проводящих жизнь в тяжелом, изнурительном труде на кого-л.’. Ср.: *Эти люди, забыв, что я их облагодетельствовал, на каждом шагу после того бранили при мне русских, говорили, что все мы – идиоты, татары, способные составлять только **быдло**, и наконец, стали с восторгом рассказывать, как они плюют нашим офицерам в лицо, душат в постелях безоружных наших солдат* (А. Ф. Писемский. В водовороте (1871)).

Заключение. В результате проведенного исследования можно заключить следующее:

- в XIX в. многие оценочные единицы оформились в результате семантических изменений слов, достаточно долгое время функционировавших и известных еще с древнерусского периода. Переосмыслению подвергались слова разного происхождения, как с конкретно-вещественным, так и отвлеченным значением;
- происходило активное оценочное метафорически-образное переосмысление слов с конкретной семантикой. Ранее XIX в. такие процессы фиксировались редко (по крайней мере, в письменных источниках);
- мощным стимулом пополнения оценочного вокабуляра стало формирование национального литературного языка в первой трети XIX в., сложение публицистического стиля речи и появление значительного по объему литературы полемического и оппозиционного характера;
- в XIX в. отмечается частое аллюзивное использование имен собственных, символизирующих определенные черты человека, причем процесс семантизации онимов стал распространяться на многочисленные имена русских исторических деятелей и литературных персонажей, порожденных русской художественной литературой XIX в.;
- внутриязыковые факторы также оказывали воздействие на изменение семантики слов в сторону ее ухудшения (например, аналогичное семантическое развитие в синонимичных парах *выкидыши* – *недоносок*, *бюргер* – *обыватель* и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.В. Основные этапы истории русского языка / В.В. Виноградов // Избранные труды: в 5 т. – М., 1978. – Т. 4: История русского литературного языка. – С. 10–64.
2. Грановская, Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: очерки / Л.М. Грановская. – М.: Изд-во ЭЛПИС, 2005. – 448 с.

3. Виноградов, В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В.В. Виноградов; отв. ред. Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз., Отд-ние лит. и яз. – М.: Толк, 1994. – 1136 с.
4. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Е.П. Ходакова [и др.]; отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
5. Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е гг. XIX века / Ю.С. Сорокин. – М.; Л.: Наука, 1965. – 565 с.

Поступила 09.12.2017

SEMANTIC DYNAMIC PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF THE EVALUATIVE LEXIS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE 19th CENTURY

T. NIKITSENKA

The study considers evaluative lexemes of Modern Russian in a retrospective way which developed their pejorative meanings in the 19th century under the influence of linguistic and extralinguistic factors. The data was collected from the academic dictionaries of Modern Russian. The pejorative lexemes are represented by all notional parts of speech and by different topical domains. The main methods employed in the research are descriptive, contrastive, within which historical-semantic analysis is carried out, definitional, corpus analysis. The common semantic shifts are considered due to which the nineteenth-century words developed pejorative meaning. Some topical domains are studied that acquire negative sense development more easily. It is stated that the words which underwent semantic changes were of different origin (Church Slavic, dialectal, borrowings, spoken words, ect.). It has been found out that the majority of pejorative lexemes emerged as a result of semantic (frequently metaphorical) extension of the words which had existed in Russian for quite a lot of time. The driving force for appearing new negative meanings happened to be the formation of Modern Standard Russian in the first third of the 19th century. Besides, the formation of the publicist style along with the numerous coming out of social and political literature had a great impact on pejorative sense development.

Keywords: *negatively-evaluated lexeme, semantic changes, pejorative sense development, Russian standard language.*